

ВАЛЕНТИН НЕРВИН

Валентин Нервин

ПО СЛЕДУ ОРФЕЯ

Новые стихотворения

АО «Воронежская областная типография»

Воронеж

2025

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
Н 54

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Воронежской области*

Н 54 Нервин В.М.

По следу Орфея. Книга новых стихотворений.
— Воронеж: АО «Воронежская областная типо-
графия», 2025. — 96 с.

Валентин Нервин — член Союза российских писателей, Российского авторского общества, лауреат многих престижных литературных премий.

Книга стихотворений «По следу Орфея» — восемнадцатая в его послужном списке. В ней представлены стихотворения, написанные в 2021–2024 годах.

В оформлении обложки использована работа
художника Александра Ворошилина.

ПО СЛЕДУ ОРФЕЯ

Обживая миры и квартиры,
пребывая у всех на виду,
я рожден под созвездием Лиры
и в созвездие Лиры уйду.
До поры оглянуться не смея,
у земного пути на краю,
я ступаю по следу Орфея,
но спасу Эвридику свою.
Надо жить ускользящим светом,
надо петь в галактической мгле —
под осколочным северным небом,
собирая цветы на Земле.
Время прячется в черные дыры,
но, в соцветии видя звезду,
я живу под созвездием Лиры
и в созвездие Лиры уйду.

ЭТО БЫЛО В ПЕТРОВСКОМ СКВЕРЕ

Звезды падали врассыпную —
и на радость, и на беду.
Занесло в колею земную
твою маленькую звезду.
...Это было в Петровском сквере...
Колея поросла травой,
но теперь я, по крайней мере,
вижу звезды над головой!

ЗЕРКАЛЬНОЕ

За повседневными делами,
перемогая немоту,
поэты спорят с зеркалами
и заклиная пустоту.
Короткой будет или длинной
земная жизнь — одна беда:
завесят зеркало в гостиной
и разойдутся кто куда.
Но сохраняется веками,
боль и надежду затая,
поэзия на амальгаме
зеркального небытия.

* * *

За холмами высокой печали
остается потерянный рай:
сколько радости было в начале
и наивной любви через край!
Сколько музыки было за нами,
а теперь и поется поврозь —
я уже далеко за холмами,
за которыми небо насквозь.

* * *

От Ветхого до Нового Завета
природа человека такова,
что в ореоле призрачного света
он забывает верные слова.
На что мне слово
и на что мне слава? —
я на Голгофе памяти стою,
не в силах потерять земное право
на боль мою
и на любовь твою.

* * *

Из какого мы рода и племени —
человеку понять не дано.

Я пытаюсь из нашего времени
оглянуться на прошлое, но
мимолетное не повторяется:
всё течет и течение влечет,
и пространство само расширяется,
и теряется времени счет...

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ПАМЯТИ РОДИТЕЛЕЙ

1

В те годы,
где мама живая,
где красные флаги вразнос,
я прыгал с подножки трамвая,
который летел под откос.
По радио марши звучали,
когда я шагал налегке,
и не было большей печали,
чем двойка в моем дневнике.
Враждебные вихри кружили
в какой-то чужой стороне,
а мы замечательно жили
в огромной трамвайной стране.
По совести, не сознавая,
что за наступающим днем
я прыгну с подножки трамвая,
а мама
останется в нем.

2

В ту ночь я спал,
не зная, не гадая,
но сердце на беду отозвалось:

приснилась мать — такая молодая,
какой при жизни видеть не пришлось.

И понял я,

что кровью и слезами
омыто небо и посолен хлеб —
я видел мать отцовскими глазами,
хотя отец от времени ослеп.

Пути различны,

а душа едина:
когда судьба качнется на краю,
наверное, во сне глазами сына
увижу снова молодость свою.

3

Сон обрывался на половине —
он без начала и без конца:
лишь горьковатый запах полыни
да глуховатый голос отца.

Я просыпаюсь, как по команде,
и понимаю чуть погода:
в доме ни звука, лишь на веранде
папа оставил свет,
уходя.

НА МОГИЛЕ ДЕДА

Привела неведомая сила
в те края, где молодость прошла,
где полынь-травой поросла
дедовская бедная могила.
Первая звезда об эту пору
осветила Родину мою.
— Открывай небесную контору —
я себе и дедушке налью!
После первой снова наливаю,
а вокруг мерещится едва,
как поет и плачет, оживая,
Родины могильная трава.

ПО ПАМЯТИ

Закрою глаза и — стемнело;
и сразу припомнится, как
наивно душа сатанела,
когда уходила во мрак.

Я помню круги Зодиака
и знаю, что выхода нет;
хотя, по прошествии мрака,
всегда воцаряется свет.

РАДУГА

С утра непогода и сырость —
вороны, и то ни одной.

Но радуга вдруг появилась,
и жизнь оказалась цветной:
зарницы плясали над нами,
и птицы запели вдали,
а капли дождя жемчугами
сверкали на теле земли.

СОН

...Земля качнется от сердцебиенья,
а дальше воцарится тишина
и бабочек бесшумное паренье
по контуру таинственного сна.
На долгой ноте систолы сердечной,
дыханию природы в унисон,
возможно жить и видеть бесконечный,
ничем не омрачающийся сон...

РУССКИЙ ЛЕС

Бытует такое поверье,
что люди в иные года
могли превращаться в деревья,
когда наступала беда.
Их корни в земной сердцевине,
а кроны ушли в небеса —
по русской судьбе и равнине
повсюду такие леса.

* * *

На этой рыночной планете
так мало места для добра;
но мы живем на белом свете,
как искры божьего костра.
Я догораю,
 чтобы снова
гореть на медленном огне.
Последним умирает Слово,
не догоревшее во мне.

ГОЛОС

Пространство любви раскололось,
а время дается в кредит.

Один человеческий голос
по краю Вселенной летит.

Я вижу, как гаснут планеты,
и слышу, как рвутся сердца.

За что же дается поэту
проклятие петь до конца?

* * *

Как сладка печаль моя весной!

И. Бунин

То ли внемлю, то ли вижу,
как в тяжелом полусне,
умирающий в Париже
Бунин бредит о весне.
То ли вижу, то ли внемлю,
как, от Родины вдали,
тень его ложится в землю,
поднимаясь от земли.
Даже гению непросто
долететь из тишины
Женевьевского погоста
до воронежской весны.

* * *

Под нами горькая земля,
в которой сны и тополя,
где расстояния не в счет,
а время побоку течет.

Над нами горькая звезда,
но мы отсюда никуда.

БЫЛЬ

Была война, как таковая, —
земля ходила ходуном;
упала бомба роковая
на их многоэтажный дом.
А мать с утра ушла за хлебом
и за картошкой на обед;
вернулась, а под этим небом
ни дома нет, ни сына нет.
Она жила: не голосила,
не причитала до седин
и лишь во сне искала сына
среди руин...

* * *

Где-то за горами и долинами,
где слова неблизкие звучат,
мальчики,
 не ставшие мужчинами,
под чужими звездами лежат.
Травы над могилами не кошены,
от любви и Родины вдали.
Что они узнали, по-хорошему,
прежде чем убитыми легли?..
Не планету, ставшую руинами,
не порфироносных упырей —
мальчики,
 не ставшие мужчинами,
бесконечно видят матерей.

* * *

Не часто, но, однако,
случается: поэт
глядит на мир из мрака
и видит слабый свет.
Вселенная поэта
доверена ему,
дабы, во славу света,
развеять эту тьму!

* * *

Возможно, я плохой поэт;
поэтому, на самом деле,
ни славы нет, ни денег нет,
и просыпаюсь еле-еле.
Проснуться, впрочем, ерунда;
вот угадать в себе Поэта...
Но, слава богу, иногда
мне удастся даже это.

БИБЛИОТЕЧНОЕ

Есть книги —

их судьба печальной,
чем угасание планет:
стоят они на полке дальней,
забытые за много лет.

Они когда-то были в моде
и перечитаны не раз,
а нынче, при любой погоде,
читатели не кажут глаз.

Есть книги —

робкие снаружи,
с маркетингами не в ладу,
хотя они совсем не хуже
иных, стоящих на виду.
Сегодня время барахолки,
но книги терпеливо ждут,
что их достанут с дальней полки
и непременно перечтут.

* * *

Когда я поднимаюсь в полный рост
и слышу голос боли и родства,
попынный запах августовских звезд
окутывает русские слова.

Я снова различаю голоса
прекрасных и неистовых друзей,
наивно уходящих в небеса,
распахнутые Родине моей.

МОЛЧАНИЕ

Он порой бывает в храме,
пронося в тиши
песни под колоколами
собственной души.

Но поэт среди сограждан
тоже человек
и поэтому однажды
замолчит навек.

И тогда его молчанье
вырвется в зенит,
где свободно и печально
колокол звенит.

* * *

*...Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.*

Б. Пастернак

Конечно, я могу понять
поэта, но — за ради бога —
о свойствах страсти сочинять
не надо путано и много.

Поэзия — любви залог:
я жду условленного знака
и мне хватает пары строк,
в отличие от Пастернака.

ПОЭТ В ДЕРЕВНЕ

На березовой опушке,
у лесного озерца
я читал стихи лягушке
до победного конца.
Симпатичная глазами
и душевная до дна,
изумрудными слезами
тихо плакала она.

Девки бедрами виляют,
не по делу водку пьют;
с трактористами гуляют,
с гармонистами поют.
А меня за идиота
принимают по уму;
лишь царевна из болота
понимает, что к чему.

* * *

Местный философ — изрядная пьянь,
как-то изрек, пребывая в миноре:
— Волга впадает во Тмутаракань
и никогда не в Каспийское море!..
Всякое было по жизни у нас —
как по заказу и как по приказу,
но почему-то, с похмелья, не раз
я вспоминал эту дикую фразу.
Видимо, есть неизбывная грань,
вечная мистика в русском просторе:
— Волга впадает во Тмутаракань
и никогда не в Каспийское море!..

РЕСТОРАННОЕ

О. Пожарскому

— Тум-балалайку или гопака? —
на крайний случай, можно буги-вуги...
И музыка летит наверняка,
на полную катушку, по округе.
Пошла гулять губерния окрест:
по марафету — весело и горько.
Куда нам, друже, плыть из этих мест,
которые постольку и поскольку?
Не лучше ли под музыку воздать
языческим закускам и напиткам?
...Кому-то не дано предугадать,
а мне дано и, видимо, с избытком.
Неистребимый русский колорит
летит по нотам Ветхого Завета,
покуда муза не заговорит,
покуда наша песенка не спета.

* * *

Города большие, да и малые,
где шатался вдоль и поперек,
все мои секреты запоздалые
почему-то знают назубок.
Прежде было ветрено и молодо —
походя, сжигали корабли;
дом над Волгой
или дым над Вологдой
многое поведать бы могли.
Что мне, окаянному, икается
в яблоне-вых ялтинских садах?..
Время лечит, память откликается
и в больших, и в малых городах.

ВОКЗАЛ

...Я помню пепельную прядь,
берет, надетый набекрень.
Спросила: — Будешь мне писать? —
— Конечно, буду — каждый день.
...Вокзал остался в темноте.
Я не писал и не пишу,
но в привокзальной суете
судьбе, как женщине, машу.

* * *

Да здравствует железная дорога! —
приходят и уходят поезда,
но мы не исчезаем навсегда,
а просто уезжаем ненадолго.

Не подвожу конечного итога,
вокзальной суетой не дорожу,
но перед отправлением скажу:
— Да здравствует железная дорога!..

ПЕГАС

Конь копытами по воздуху бьет —
он крылатый и летает наяву.
А хозяйка его в Питере живет,
ну а я таки в Воронеже живу.
Незавидно получается у нас:
даже встретиться бывает недосуг.
И летает охренительный Пегас,
окончательно отбившийся от рук.

* * *

Мы были счастливы с тобою
и до последнего могли
стоять у линии прибоя,
на самом краешке земли.

Душа вернется на поруки
земного таинства, когда
любовь устанет от разлуки —
надолго или навсегда.

* * *

Любой печали вопреки,
пока погода позволяла,
ты каждый вечер у реки,
простоволосая, стояла.
Там упования просты,
переживания бесплотны —
душа со звездами на ты,
по праву птицы перелетной.
Река не знала, почему,
пока дожди не зарядили,
по отраженью твоему
загадочные звезды плыли.

* * *

Звезды в небе и Спас на Крови,
все на свете стихи и цветы
существуют во имя любви;
остальное — дурные понты.

Развенчаю пустую молву,
а земные грехи замолю:
по закону природы живу,
по закону Вселенной люблю.

* * *

Сдувая с пива пену,
я вижу по судьбе,
что время знает цену
лишь самому себе.
На прошлом знак вопроса,
однако, до сих пор,
я помню папиросы
«Герцеговина Флор».
По саду-огороду
гуляя, всякий раз
припоминаю с ходу
кроссовки «Адидас».
Но главное, что было,
чего не позабыл —
как ты меня любила,
как я тебя любил!..

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Зачем-то полез на чердак,
а там — среди всякого хлама —
среди бесполезных бумаг
лежала твоя телеграмма.
Сто лет пролетело со дня
рождения, когда это было! —
но ты поздравляешь меня,
хотя даже дату забыла...

* * *

Свято место — кухонька да спальня,
лампочка сиротская горит;
все твои маршруты радиальны,
потому кончаются навзрыд.
Ну какая, к дьяволу, фактура,
что за пьянка, Господи, прости,
ежели торшер без абажура,
ежели на службу к девяти?
Хорошо гулять напропалую,
но витиевато чересчур;
надо выезжать на кольцевую —
покупать торшеру абажур.

ЛИВЕНЬ

Разверзлись небесные хляби —
тропический ливень стеной,
а ты причитаешь по-бабьи:
— Ах, Господи, боже ты мой!..
Похоже, размыло дорогу —
не выбраться нам до утра.
...При всем уважении к Богу,
любовью заняться пора.

* * *

Всё тяжелее на подъем,
а наши праздники всё реже...
Давай, красивая, махнем
куда-нибудь на побережье!
Среди вальсирующих дюн
и ликования морского
я буду благостен и юн,
а ты — добра и бестолкова.
При изобилии вина
и нежности, на самом деле,
проблема жизни решена —
как минимум, на две недели.

ЛЕГЕНДА КРЫМА

На черноморском побережье,
когда косматая жара,
лакает воду по-медвежьи
Медведь-гора.

Шумит языческое море
и — у истории в долгу -
региональный санаторий
на берегу.

Там, у подножья Аю-Дага,
среди вальсирующих муз
хлебать вино, лечить люмбаго,
пугать медуз.

Поймать русалочку без грима
на романтической волне
и воспарить — и будет мне
еще одна легенда Крыма!..

КЛЕОПАТРА

Воздавшие хвалу
 египетским богам
умеют умереть
 и всё начать сначала —
и снова я плыву
 к далеким берегам,
и снова ты меня
 встречаешь у причала.
Теперь иным богам
 приносятся дары —
не вечен даже Рим,
 но так уж получилось:
проносятся века
 и рушатся миры,
а ты, моя любовь,
 ничуть не изменилась.

МЕЖДУ СОЛНЦЕМ И ЛУНОЙ

Между Солнцем и Луной,
по вселенской проходной,
через время босиком
ходят звезды косяком.

А Земля сидит в углу
и таращится во мглу.

* * *

...Я список кораблей прочел до середины...

О. Мандельштам

Дойти до цели — это ли не цель? —
флотилия красивых кораблей
отчалила за тридевять земель
из неуютной гавани своей.
Вольготно в океане кораблю
и по душе заморские края,
но та земля, которую люблю,
что делать? — это Родина моя.

* * *

Стихи от боли не спасают:
уже который век подряд
умершие не воскресают,
умолкшие не говорят.

Нас и пугали, и смешили,
а на поверку — всё не то.
Ну, ладно, мы свое отжили,
а дети, дети-то за что?..

* * *

Жизнь — она похожа на игру,
правила которой неизвестны.
Наши достижения в миру,
по большому счету, бесполезны.
В памяти остались миражи
да периферийные детали:
как ныряли с облака стрижи,
как наивно листья облетали.
В самых неожиданных мирах
и до настоящего момента
я всегда играл на мизерах
и пока не вижу конкурента.

* * *

Еще не кончается лето,
поэтому, как ни крути,
по разные стороны света
возможно за счастьем идти.
Пространства по-прежнему много,
но время уходит во мрак.
А счастье стоит у порога
и думает: «Экий дурак...»

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РОМАН

Она была почти шарман
и он не робкого десятка,
но производственный роман
пошел ни валко и ни шатко.
Укромный терем-теремок
благоприятствовал полету,
но только двери на замок —
и начинали про работу.
Короче, после этих дел
и бытового беспредела
он поцелуев не хотел,
она подавно не хотела.
Любовь была и не была —
ни божества, ни искушенья.
В конце концов, она ушла,
а он пошел на повышение.

САМОБРАНКА

Жизнь моя, как самобранка —
по-французски «се ля ви».

Вот, на днях официантка
толковала о любви.

Накрывала — честь по чести —
даром, что глаза косят;
наливала сразу двести,
а потом по пятьдесят.

Уверяла, что до дрожи
оценила мой талант,
и поэтому я тоже
для нее официант.

Чем, ей-богу, не принцесса?..
но досадная фигня:
100 кг живого веса —
неподъемно для меня!

У ДВЕРИ

Вчера ты любила, и что же? —
сегодня стоишь у двери:
красивая — Господи боже,
далекая — черт побери!
Былое не переиначить,
и мы — на скрипучем полу —
не будем пенять и судачить,
а просто присядем к столу.
В моей непосредственной власти
налить напоследок вина:
за наше недолгое счастье
положено выпить до дна!

* * *

Хоть на праздник,
хоть на плаху,
хоть еще куда —
но последнюю рубаху
штопают всегда.
Человек судьбу латает,
а над головой
напоследок пролетает
ветер гулевой.

СИГАРЕТНЫЙ ДЫМ

Был когда-то я молодым,
Был, до боли, ревнив и глуп,
глядя, как сигаретный дым
танцевал у любимых губ.
А сегодня — что танцевать? —
изменился любви ландшафт
и теперь глубоко плевать,
с кем ты куришь на брудершафт.
Вот какие наши дела...
Был когда-то я молодым —
эта молодость отцвела
и ушла в сигаретный дым...

НА ПАРОМЕ

Припомню беспечное время, в котором
хорошие люди живут невпопад,
и серые гуси летят над Боспором —
почти параллельно закату летят.

Оттуда не видно, что век на изломе
и надо платить дороною ценой,
что нет ничего замечательней, кроме
волны за кормой
и звезды надо мной.

Я многое видел и многое знаю,
но разве напишешь гусиным пером,
куда улетает высокая стая,
кого на закате увозит паром?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наверное,

когда однажды

уйду от нынешних страстей,

вернусь я в шестьдесят... неважно,

какой — на улице Детей.

Одноэтажное предместье,

где свет и тени на воде;

где всё по-детски и по чести,

по облакам и лебеде.

И я заплачу:

слава богу,

что не оставил дурака,

что я не позабыл дорогу

туда, где ждут наверняка.

СТАРОМУ ДРУГУ

Время позднее, вестимо...
Ну да это ерунда:
проходя по жизни мимо,
загляни хоть иногда.

Нас по всей земле носило,
но стираются следы:
что-то было, что-то сплыло
по течению беды.

Заходи: душа навывлет —
остальное всё путем;
а чего за дружбу выпить —
обязательно найдем!

СЕНТЯБРЬСКОЕ

Вы сегодня тоже замечали,
как на разгулявшемся ветру
листья танцевали без печали
и светился воздух на ветру?

Наша жизнь идет по назначенью,
обретая смысл, благодаря
этому недолгому свеченью
воздуха в начале сентября.

* * *

Когда собираются вместе бродяги,
уже догорает закат
и тусклое солнце из меченой фляги
по жилам течет наугад.

Пока оживает душа понемногу,
томящаяся взаперти,
они обязательно пьют за дорогу —
иначе не будет пути.

Огонь разгорится, судьба отзовется,
да только в глаза не глядит.

Они провожают закатное солнце,
и пепел до неба летит.

БЕГЛЕЦ

...Пил горстями из ручья,
задыхаясь то и дело.

А звезда была ничья —
просто издали глядела.

На зеленое сукно
карта выпала плохая:
люди всюду заодно —
паханы да вертухай.

По течению ручья
ни свободы, ни покоя,
а звезда была ничья
и останется такою.

...Лунка света на воде
дрогнула и — в кои веки —
он подумал о звезде,
как о близком человеке.

* * *

Кобель ютится под забором —
ни конуры, ни крыши нет,
но часто снится дом, в котором
он жил всего-то пару лет.
Собрав закуску по сусекам
и выпивая двести грамм,
хозяин с ним, как с человеком,
беседовал по вечерам.
Перепадали хлеб да сало
от пенсионного рубля...
Потом хозяина не стало
и разогнали кобеля.
Он поддыхает под забором,
и скоро ангел заберет
в большой и вечный дом, в котором
хозяин ждет.
Хозяин ждет.

ГОРОД

Город на глобусе не различишь:
малозаметная точка всего лишь —
даже Лос-Анджелес или Париж.
Или Воронеж.

Каждый по-своему плох и хорош,
в каждом свои тараканы и крысы;
куча забот, а любви ни на грош —
баксы да визы.

Глобус однажды сотрется в труху,
время окрысится — и не догонишь.
Выгляну в небо, а там, наверху,
тоже Воронеж.

НА ЗАКАТЕ

Когда закатные лучи
преображают божий мир,
лежит у солнца на печи
земли и неба командир.
Бог на закате — домосед:
он созерцает свысока,
как облака меняют цвет,
а цвет меняет облака.

* * *

Л. Олениной

Когда по осенней погоде
природа в себе не вольна,
не будем о том, что проходит, —
о том, что не вечна весна.
Давай не считаться годами
и так друг на друга смотреть,
как будто над нами, над нами
не властны ни время, ни смерть.

* * *

Жизнь проста и коротка:
разве мы тому виной,
что плывем, как облака,
над собой и над страной?
По-над холодом зимы
и цветением весны,
над погостами, где мы
во плоти разлучены;
выше неба и земли,
до скончания веков —
только спутники любви,
только пара облаков.

* * *

За окном такая слякоть,
как бывает за душой.

Всё равно

 не стану плакать,
потому что я большой.
Я давно большой и хмурый,
сообразно бытию,
потому что за культурой,
как на паперти, стою.

Не имею права плакать,
самому себе назло.

Всё равно

 такая слякоть —
все дороги развезло...

* * *

На улице сыро и серо —
невесело, по существу.
В аллеях остылого сквера
лишь ветер гоняет листву.
Природа уже растеряла
свою хлорофилльную честь,
а сирая осень украла
последнее, что ни на есть.
Сегодня плохая погода,
и это печально вдвойне:
боюсь, что до Нового года
любовь не заглянет ко мне.

* * *

...Я это никогда не полюблю!

В. Высоцкий

Я не люблю читать газеты:
листаю — морда кирпичом —
и не спешу давать советы,
когда не знаю, что почем.
Я не хочу сидеть вороной,
теряя время и чутье,
и не прошу любви, даренной
за послушание мое.
Я не мечтаю петь дуэтом
и гомонить наперебой —
предпочитаю быть поэтом,
и вообще, самим собой.

ВЕЧЕРИНКА

Стол не то чтобы ломился,
но закусочка была:
кто-то пил и матерился,
кто-то пел из-под стола.
Были рыбные котлеты,
были женщины в цвету,
и мелькали силуэты
разложения в быту.
Выпивали неустанно,
зажигали, как могли;
и, конечно, розы в ванной
беспардонно расцвели.
А наутро тошно стало:
время выпито до дна,
только что-то лепетала
роза глупая одна...

* * *

Через годы, покрытые льдом,
через память и боль напролет
осторожно войду в этот дом,
где во сне половица поет.

Я молчу,

запредельно молчу,
дабы прошлое не бередить —
разбудить никого не хочу.

...Никого и нельзя разбудить.

СТАРОСТЬ

По улицам уже гуляет вьюга,
за окнами всюду трещит мороз,
а в доме двое,
любящих друг друга
любовью замерзающих стрекоз.

СРЕДИ ЗАСНЕЖЕННЫХ ПОЛЕЙ

Ночной вагон: куда, не знаю,
несет меня под Новый год
и никому не пожелаю
такого счастья наперед.
В моем купе из окон дует.
Хотелось бы уюта, но —
зима. Никто не торжествует:
крестьяне спят уже давно.

С определенной точки зрения
моей проблеме грош цена:
тургеневские настроенья
одолевают с бодуна.
Заглядывает проводница —
и мне становится теплей,
покуда жизнь, как поезд, мчится
среди заснеженных полей.

МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ

Когда бы я на свете этом,
среди разора и распада,
не возомнил себя поэтом
и не ломился в двери ада;
не грезил о великих целях,
а улыбался, замирая,
как этот мальчик на качелях,
взлетающий к воротам рая!..

* * *

Раскрытая тетрадь на письменном столе,
за гранью облаков простор необозримый...
По смерти я рискну являться на земле —
Не видимый никем, ничем не уязвимый.
Наверное, когда придется умирать,
я возблагодарю судьбу за постоянство:
за эту — на столе —
 раскрытую тетрадь,
за это — в облаках —
 открытое пространство.

* * *

Какой феерический снег новогодний,
летающий по небу, как звездная карта!
Попробуй увидеть не только сегодня,
а нашу земную проекцию в завтра:
по снежной спирали,
по звездной программе,
где всё представляется в истинном свете
и сбудется то, что задумано нами,
на третьей (по счету от Солнца)
планете.

* * *

Вот и пришло Рождество,
и запуржило на свете.
Сколько же было всего
сказочного на планете!
Время дается взаймы,
всё остальное — в придачу.
...В кукольном доме зимы
старая девочка плачет.

ЁЛОЧНОЕ

Время февральское —
хмурое, позднее,
неумолимое время, а вот
елочка, ты у меня новогодняя,
даже когда миновал Новый год.
У февраля настроение скверное:
все фейерверки уже отцвели.
Где-то на мусорной свалке, наверное,
хвойные сестры твои полегли.
Чтобы вороны впустую не каркали,
во избежание мусорной тьмы,
елочка, я тебя, вместе с подарками,
спрячу на сердце до новой зимы.

* * *

Погода шалопутная
запудрила умы.
Зима такая смутная,
что хочется... зимы:
чтобы ресницы в инее
и музыка вдали,
и чтобы звезды зимние
Россию берегли.

* * *

Великолепное занудство
или пожизненная блажь? —
увы, изящные искусства,
по сути, просто эпатаж.
А ежели без макияжа,
то не оставите следа.
Бессмертие — такая лажа...
Мое почтение,
господа!

ВРЕМЯ СКАЗОК

За твою торопливую ласку
в этой жизни военно-мирской,
хочешь, я расскажу тебе сказку
про любовь и про вечный покой?
Время сказок — обычное дело;
но расстанемся мы поутру,
потому что свеча догорела,
потому что уйду на миру.
На Земле ничего не случится:
жили, были — такие дела.
Разве что в зеркалах отразится
время сказок...

ПОЗДНИЙ СВЕТ

Ночь кончается.

Круг Зодиака

разомкнулся для новой звезды.

Сколько было навета и мрака,
сколько боли, нужды и вражды!..

Я проснулся от позднего света,
без которого жил до сих пор,
и листаю страницы Завета,
выходя на великий простор.

* * *

Настанет срок,
и от меня
душа отступится живая —
так саламандра из огня
выходит, недоумевая;
сквозь оболочку бытия
пройдет и плоти не коснется.
Но, догорая, улыбнется
и жизнь моя,
и смерть моя.

ПОМОГИ МНЕ, ЗВЕЗДА

Помоги мне, звезда,
 отыскать золотую страну,
где в далекие дни целовал я девчонку одну.
Помоги мне, судьба,
 постоять у заветной реки,
по которой плывут опадающих лет лепестки.
Я живу на земле и навеки у жизни в долгу.
Помоги мне, любовь,
 умереть на твоём берегу.

* * *

Не хандрю и не глючу,
а пишу на роду —
что-то свалено в кучу,
но стихи — на виду.
В них история дышит,
как живой человек:
кто прочтет и услышит,
не забудет вовек.

ОРФЕЙ

Земному притяженью вопреки,
он из немногих, кто спускался в ад
и проходил по лезвию строки,
а лира у плеча

как автомат.

Свидетельствую только об одном,
от мира не скрывая ничего:
когда Орфей спускался в гастронорм,
то Эвридика

пела за него.

* * *

Как быстро молодость ушла! —
но, вопреки реальности,
поют мои колокола
в лирической тональности.
Пора звонить за упокой,
а тут — такое дело —
что наша ива над рекой
опять помолодела!..

* * *

Жизнь прекрасна! —

хотя в эпилоге

человек понемногу чудит,

оттого что, в конечном итоге,

ничего не дается в кредит.

Жить на свете и рано, и поздно:

мы сегодня нигде и везде.

Наши души уходят позвездно —

где же ты,

на которой звезде?..

НАГРАДА

1

По жизни можно быть хорошим и плохим.
Но понимаю, что великая награда —
дарованное мне передавать другим —
и больше ничего
для Вечности не надо.

2

Как истинный поэт, не чующий подвоха,
уйду, когда судьба напишет на роду.
Но я вернусь опять, когда вам будет плохо,
а будет хорошо —
тем более приду!

СОДЕРЖАНИЕ

По следу Орфея	6
Это было в Петровском сквере	6
Зеркальное	7
«За холмами высокой печали...»	8
«От Ветхого до Нового Завета...»	9
«Из какого мы рода и племени...»	10
Три стихотворения памяти родителей	11
На могиле деда	13
По памяти	14
Радуга	15
Сон	16
Русский лес	17
«На этой рыночной планете...»	18
«Русское слово, по сути, загадочно...»	19
Голос	20
«То ли во мне, то ли вижу...»	21
«Под нами горькая земля...»	22
Быль	23
«Где-то за горами и долинами...»	24
«Не часто, но, однако...»	25
«Возможно, я плохой поэт...»	26
Библиотечное	27
«Когда я подымаюсь в полный рост...»	28
Молчание	29
«Конечно, я могу понять...»	30
Поэт в деревне	31
«Местный философ — изрядная пьянь...»	32
Ресторанное	33
«Города большие, да и малые...»	34

Вокзал	35
«Да здравствует железная дорога!..»	36
Пегас	37
«Мы были счастливы с тобою...»	38
«Любой печали вопреки...»	39
«Звезды в небе и Спас на Крови...»	40
«Сдувая с пива пену...»	41
День рождения	42
«Свято место — кухня да спальня...»	43
Ливень	44
«Всё тяжелее на подъем...»	45
Легенда Крыма	46
Клеопатра	47
Между Солнцем и Луной	48
«Дойти до цели — это ли не цель?...»	49
«Стихи от боли не спасают...»	50
«Жизнь — она похожа на игру...»	51
«Еще не кончается лето...»	52
Производственный роман	53
Самобранка	54
У двери	55
«Хоть на праздник...»	56
Сigaretный дым	57
Песенка	58
На пароме	59
Возвращение	60
Старому другу	61
Сентябрьское	62
«Когда собираются вместе бродяги...»	63
Беглец	64
«Кобель ютится под забором...»	65

Город	66
На закате	67
«Когда по осенней погоде...»	68
«Жизнь проста и коротка...»	69
«За окном такая слякоть...»	70
«На улице сыро и серо...»	71
«Я не люблю читать газеты...»	72
Вечеринка	73
«Через годы, покрытые льдом...»	74
Старость	75
Среди заснеженных полей	76
Мальчик на качелях	77
«Раскрытая тетрадь на письменном столе...»	78
«Какой феерический снег новогодний...»	79
«Вот и пришло Рождество...»	80
Ёлочное	81
«Погода шалопутная...»	82
«Великолепное занудство...»	83
Время сказок	84
Поздний свет	85
«Настанет срок...»	86
Помоги мне, звезда	87
«Не хандрю и не глечу...»	88
Орфей	89
«Как быстро молодость ушла!..»	90
«Жизнь прекрасна! — хотя в эпилоге...»	91
Награда	92

Литературно-художественное издание

Валентин Михайлович Нервин

ПО СЛЕДУ ОРФЕЯ

Новые стихотворения

Верстка О.И. Сотникова
Корректор Н.А. Белявцева

Подписано в печать 08.07.2025 г.
Формат набора 70х100¹/₃₂. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,87.
Заказ № 474. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143
Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900